

**І
СЛЕД**

Память пуста. Почти...

Когда его выловили из реки, обескровленного, распоротого снизу доверху, он напоминал бурдюк траппера, но был в сознании. Вот только что он осознал?

Уже в «скорой» он погрузился в кому — на две недели. Через четырнадцать дней небытия в глубине мозга зажегся свет. Возник колодец молочного цвета, откуда выплывали предметы зыбких очертаний, бесформенные создания, обрывки жизни... На этой, начальной, стадии преобладала идея первородного вещества.

На следующей ее заменила аналогия с молоком. Он думал о знаменитом эпизоде индийской космогонии, о фресках, которыми восхищался в храмах Ангкора¹: боги и демоны сбивают молочное море и оттуда

¹ *Ангкор* — регион на северо-западе Камбоджи, некогда центр Кхмерской империи, основанной королем Ясоварном в IX веке. Сохранился комплекс храмов, дворцов, водохранилищ и каналов, посещаемых и в наши дни буддистскими паломниками. Гигантские постройки Ангкора остаются примером изумительного мастерства древних строителей. Много лет здесь ведутся археологические раскопки. — *Здесь и далее примеч. перев.*

появляются изумительные создания. В его мозгу этот ритуальный танец оборачивался эпизодами насилия, лицами убийц, неудачами, гвоздем засевшими в голове... Короче, всем тем, из чего состоит память комиссара криминальной полиции.

В конце концов, к превеликому изумлению медиков, он пришел в себя. Танец богов продолжился в реальном времени, и оно вытекало из него, как из дырявого бидона, день сменял ночь, а все ощущения были похоронены под гипсом и анестезией. Врачи называли это «хорошим знаком».

Чуть позже он смог садиться в кровати и начал интересоваться новостями. О ком? О чем?

Сначала о Фанни Ферейре, которая «вскрыла» его до самого горла. Она не пережила их танго в ледяном потоке, и ее похоронили вместе с сестрой-близняшкой в тайном месте, в нескольких километрах от Гернона. Кладбища эти ведьмы не заслужили...

Потом всплыло воспоминание о Кариме Абдуфе, случайном напарнике в том параноидальном расследовании. Он сформулировал выводы о деле, поделился с жандармами и подал в отставку. «Вернулся на родину». Ньеман не стал препятствовать, хотя знал, что Карим — апатрид. Он ни разу не попытался связаться с Каримом — по сути дела, общими у них были только плохие воспоминания¹.

Очевидно, пора возвращаться в мир обычных людей. В больничной палате его навестили высокопо-

¹ Так заканчивается роман Жан-Кристофа Гранже «Багровые реки», вышедший на русском языке в 2001 году.

ставленные чины национальной полиции и жандармерии, приколоты медаль на пижамную куртку — будто пришили мертвую бабочку на пробковую доску. Ощущение, во всяком случае, было именно такое.

Соцстрах признал Ньемана «ограниченным свыше восьмидесяти процентов с назначенным ассигнованием для взрослых инвалидов»¹, лишив возможности работать «на земле». У него незамедлительно возник вопрос: может, лучше было бы утонуть вместе с Фанни в водах ледника?

Впрочем, будем справедливы: французская полиция своих в беде не бросает, она посылает их на переподготовку. После окончательного выздоровления ему предложили место преподавателя в Школе полиции в коммуне Канн-Экюз. Он подумал: «А почему нет?» Его опыт может пригодиться полицейским подмастерьям.

Три года он преподавал, там ему дали понять, что его видение профессии не соответствует, как бы это поделикатнее выразиться, *установленным критериям*. Его вернули на службу, но оставили в резерве. Консультант, советник, посредник — называйся как хочешь, только не покидай скамейку запасных.

Физически он восстановился полностью. С психикой дело обстояло сложнее. Он жил с грузом, который

¹ Во Франции существует три категории ограничений для граждан: >80% — не годен к труду и имеет право на специальное ассигнование для взрослых инвалидов; 50–79% — имеет право на помощь органов социального обеспечения и не имеет права на специальное ассигнование для инвалидов; <50% — трудоспособен в обычной среде без специальной помощи.

принято называть *депрессией*. Симптомы? Хронические немотивированные боли в желудке, горло, сводимое судорогой... Близкие слезы и сонливость либо ощущение распада.

Еще два года протекли между фрустрацией и усталостью, самоуничижением и безразличием, а потом о нем вспомнили бывшие соратники, вскарабкавшиеся на самый верх полицейской иерархии.

— Сам знаешь, — сказали начальники, — по всей Франции растет число диких, безумных преступлений, обычными силами мы уже не справляемся. Принято решение о создании центральной службы, которая будет командировать самых закаленных парижских сыщиков на помощь жандармам.

— Классная идея. И сколько людей в штате?

— На сегодняшний день один. Ты. Пока это скорее тест, чем официальный проект.

Ну вы даете... Идея направлять легавых на подмогу жандармам — вызов здравому смыслу. Никто никогда в такое не верил и не сумел бы вспомнить, при каком министре созрела подобная идея.

Кто лучше всех подходит для мертворожденного проекта? Конечно же призрак! Проблема заключалась в том, что Ньеман воспринял шутку всерьез. Он даже попросил заместителя.

— Эй, вы залили полный бак?

Ивана наклонилась к окну «вольво», держа в обеих руках салаты, семечки, минералку — все, что способен предложить привередливой веганке магазинчик на заправке.

Ньеман встряхнулся и вышел из машины, чтобы выполнить свою часть работы. Заправляясь, он лениво обдумывал нынешнюю реальность: немецкий автобан, начало осени в красных, как у Ротко¹, тонах, вторая половина дня. Не отстой, но и верхом блаженства не назовешь.

Он пошел к кассе, уговаривая себя: «Радуйся, старик, конец бумажкам, статистике и досье, которыми более чем скупно снабжали тебя жандармы, ты возвращаешься к розыску!»

Странно, что их отправили в Германию, во Фрайбург-им-Брайсгау, что в Шварцвальде, то есть Черном лесу. Они выехали на рассвете и в десять утра были уже в Кольмаре — Ньеман принципиально не признавал ограничений скорости.

Прокурор Республики при Парижском суде высшей инстанции сообщил ему, что интересующее их убийство было совершено в лесу Трусайма, в Эльзасе, но жертва, подозреваемые, свидетели и все прочие — немцы. Тактическое подразделение жандармерии департамента Верхний Рейн занимается французской частью расследования, они с Ивановой — на «иждивении» немцев.

Последовали подробные разъяснения касательно договоренностей между полициями стран Евросоюза, которые позволят им вкалывать на тевтонской территории вместе с Управлением уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг.

¹ *Марк Ротко* (1903–1970) — американский художник русского происхождения, представитель т. н. «хроматической абстракции».

Ньеман мало что понял, но не сильно взволновался: он терпеливо внимал речам, зная, что Ивана уже получила от эльзасцев полное досье и изучает его, чтобы потом устроить для него персональный брифинг.

Он бросил взгляд через витрину: напарница раскладывала свой продовольственный запас на заднем сиденье, как стрелок-радист снаряды в танке.

Ивана Богданович.

Второй номер их дуэта.

Лучшее, что с ним случилось после возвращения из небытия.

Ему очень нравилось, как она выглядит.

Неизменная замшевая куртка, черная как смоль в тени и по-беличьей рыжая на свету. Потертые джинсы, ботинки с поцарапанными носами, красные волосы. Во всем этом было нечто очень последовательное и теплое. Нечто, напоминающее меланхолию опавших листьев и жизненную силу наполненных кровью вен.

Невысокая, худощавая. Так и хочется назвать ее «мелкой», но язык не поворачивается, уж больно крепко костяк и натренирована мускулатура. Ее силуэт «драной кошки» наводил на мысль о силе выжившей. Да, она пережила катастрофу, но все, что осталось, обрело редкостную прочность.

Кости, мускулы, ярость.

Белокожая, как все рыжие, она напоминала ему эскимосские ножи, вырезанные из куска моржового бивня: один их конец остро заточен, другой удобно ложится в ладонь. Ньеман, конечно, не знал, легко ли любовникам Иваны удерживать ее в своих объятиях, но был уверен, что по ночам она умеет быть горячей и нежной, и это нисколько не противоречит ее ледяной жестокости днем.

Ивана слушала его лекции в Высшей национальной школе полиции, и на первой переключке он переврал ее фамилию.

Она поправила его и поспешила добавить: «А вообще, зовите как хотите».

Эта реплика была проявлением не скромности, но гордости, даже гордыни: она ставила себя выше всех превратностей бытия и самой Судьбы.

За месяцы общения с Иваной Ньеман успел во всех подробностях изучить ее угловато-острую красоту — высокие скулы, брови, словно бы нарисованные художником в одно движение. «Рыжесть» Иваны завораживала Ньемана и почему-то напоминала ему сумерки на Ибице, джем-сейшены хиппи, медитации под «кислотой» — все, к чему он питал стойкое отвращение, но вкупе с Иваной вдруг полюбил.

Конечно, весь процесс узнавания был обманкой. Ньеман пытался одурачить себя: разыгрывал восторг, хотя давно знал Ивану — и ясно представлял, на что она способна. Оба хотели забыть первую встречу и начать с нуля.

— Где мой кофе? — спросил он, поворачивая ключ зажигания.

Она кивнула на стакан в держателе:

— Он вредит здоровью. Я взяла вам отвар.

Ньеман, сердито бурча, послал машину вперед. Ивана свернулась калачиком на сиденье и принялась за салат из киноа. Доев, она уперлась каблуками в приборную доску, отделанную ореховым деревом, и Ньеман с трудом удержался от замечания.

Никому другому он бы не спустил подобного кощунственного отношения к своему «вольво», но Ива-

на... Он уселся поудобнее, крепко сжал руль и нажал на педаль газа. Ему было хорошо. Он чувствовал себя счастливым и легким с этой молодой женщиной, которая в свои тридцать два все еще грызла ногти. Ньеману нравилось ее присутствие рядом и аромат, похожий скорее на запах рисового пудинга, чем на духи роковой красавицы.

Никто не понял Ньемана, когда он выбрал в помощницы лейтенанта Ивану Богданович. Да, у нее есть все надлежащие качества, но она... женщина! А Ньеман — старый мачо, женоненавистник «на внешнем контуре», фаллократ «в самой середине». По его мнению, легавый = мужчина, все остальное — чушь собачья!

Ньемана забавляла подобная версия собственной репутации, не имеющая ничего общего с действительностью. Его отношение к женщинам было гораздо сложнее. Он никогда не был женат, но речь не шла ни о презрении, ни о равнодушии. Скорее об уважении пополам с опаской.

С Ивановой все обстояло иначе. Комиссар не встречал полицейского лучше — а он повидал многих. Ее результаты в Школе полиции были красноречиво убедительны, за годы последующей службы она не допустила ни одного прокола. Так что никто другой с ней даже рядом не стоял.

— Нам сюда? — спросил Ньеман, увидев указатель на Фрайбург.

— Угу... — Ивана кивнула, доклевывая еду, как голодная птичка.

Он вдавил педаль газа и спросил:

— Ну так что там случилось?

Э

— Если верить «Форбсу», семья Гейерсберг владеет двадцатым по размеру состоянием в Германии, приблизительно десятком миллиардов долларов. Эти аристократы, уроженцы земли Баден-Вюртемберг, зарабатывают деньги автомобилестроением¹. С промышленной группой VG сотрудничают все немецкие конструкторы.

— Кто умер?

Сколь бы невероятным ни показался этот вопрос стороннему наблюдателю, Ньеман задал его, потому что не успел заглянуть в досье.

— Юрген, — сообщила Ивана. — Он и его сестра Лаура — главные наследники. Ему было тридцать четыре года. Тело было найдено в прошлое воскресенье в лесу Трусайма, в Эльзасе.

— Почему там?

¹ Столица земли Баден-Вюртемберг *Штутгарт* сохранила свой статус центра автомобилестроения не только Германии, но и всей Европы. Здесь находятся штаб-квартиры и заводы крупнейших автомобильных концернов мира «Даймлер» (марки автомобилей «мерседес-бенц» и «смагт»), «Порше», а также всемирно известных поставщиков автозапчастей «Бош» и «Мале».

Белочка доела, сунула пустой контейнер в мешок и схватила свой айпад.

— Раз или два в год Гейерсберги приглашают сливки местной аристократии и основных профессиональных партнеров на большую псовую охоту. В субботу все обедают в семейном охотничьем павильоне. Готовятся. Ночуют на месте, а в воскресенье утром торжественно форсируют Рейн.

— А при чем тут Эльзас?

— А при том, что псовая охота запрещена в Германии с пятидесятих годов, — объяснила Ивана, листая айпад. — Во время охоты два французских гостя заблудились в лесу и наткнулись на... останки графа. Голова лежала в нескольких метрах от тела.

Ньеман на мгновение отвлекся от дороги, чтобы взглянуть на снимок. Малоаппетитное зрелище: позеленевшее тело лежит в грязи, черная шея зияет дырой, на теле — длинный вертикальный разрез.

— Судя по отчету патологоанатома, — прокомментировала Ивана, — внутренности жертвы убийца прихватил с собой.

Следующее изображение: голова на ковре из опавших листьев.

— Что у него во рту?

— Веточка дуба. Знак уважения со стороны убийцы.

Эта деталь кое-что напомнила Ньеману, но он обошелся без комментариев: не стоит откровенничать с заместительницей, особенно с такой, как Ивана. Пока...

— Другие увечья?

— Две раны, обе скорее странные. Убийца кастрировал жертву и сделал надрез вокруг сфинктера, как будто хотел вытащить гениталии через это отверстие.

— Их нашли?

— Нет. Военный трофей. Нельзя исключать изнасилования, хотя биологический материал не обнаружен. Да и дырка великовата для члена нормального размера. Так что, если акт имел место, либо наш душегуб «оснащен» как бык, либо использовал тонфу¹.

Ивана докладывала небрежно-шутливым тоном. Дразнила смерть.

— Когда его видели живым в последний раз?

— В субботу, в полдень. Он исчез во второй половине дня и «нашелся» в воскресенье утром, под дубом.

— Французы вызывают подозрение?

— Ни малейших. Честные производители электронных комплектующих из Страсбурга.

— А что у жандармов?

— Ничего. Образцы, собранные на месте преступления, ничего не дали: ни отпечатков, ни фрагментов плоти...

— Следы ног?

— Нет. Убийца потрудился замести землю в радиусе двух-трех метров. А потом как будто испарился. Судебный медик считает, что Юргена убили в воскресенье утром, на рассвете. Потом шел дождь, был лис-

¹ *Тонфа* — традиционное холодное оружие жителей острова Окинава ударно-раздробляющего действия. Его прототипом послужила рукоять для небольшой рисовой мельницы. Тонфа — прообраз современной полицейской дубинки с поперечной рукоятью.

топад... Возможно, убийца дождался, когда поднимется ветер, чтобы убраться оттуда, или забрался на дерево, с него — на следующее и ушел вёрхом.

Ньеман почувствовал нетерпеливое раздражение, легкое «покусывание», напоминающее извращенный интерес к хищнику, совершившему убийство. Этот изверг ближе к природе, чем к современной цивилизации... Интуиция и первые догадки его не обманывают: дубовая веточка, повреждения в районе ануса. Декорация...

— Жандармы допросили аристократов?

— Все воскресенье потратили. Никто ничего не видел и не слышал: охотников интересовала только дичь. Пятьдесят мужиков и сотня псов травили одного-единственного оленя.

Ньеману были хорошо известны природозащитные убеждения Иваны, и он опасался расследования среди охотников. Ладно, к черту полемику: вокруг ослепительно-прекрасный лес, пышный, роскошный, зеленое пламя под ясным небом.

— Ну а если включить логику, мог ли убийца находиться среди гостей Гейерсбергов?

— Ему бы пришлось «форсировать» Рейн — среди ночи! — углубиться в Трусаймский лес, потом вернуться в Германию, чтобы следующим утром снова отправиться во Францию — вместе с остальными.

— И что в этом такого уж неправдоподобного?

— Действительно — что? Главный вопрос другой: что понадобилось графу в лесу среди ночи?

— Возможно, ему назначили встречу.

— Последний звонок Юрген сделал в 15:23.

— Кому?
— Сестре. Разговор занял несколько секунд.
— Детализация звонков гостей?
— Проверили сразу. Лес по обе стороны от границы принадлежит Гейерсбергам. Во время уик-энда мобильные телефоны должны быть выключены. Псовая охота требует максимальной сосредоточенности — так говорят специалисты. Кроме того, звонки там все равно не проходят.

— Почему?
— Сиятельные господа установили глушилки: их лес должен оставаться чистым. Они защищают природу — в прямом смысле этого слова.

Ивана достала протоколы Управления уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг.

— Знаешь немецкий? — удивился Ньеман.
— Учила в лицее как второй иностранный язык.
— Мы ходили в разные школы. У меня первым был английский, так что придется тебе попотеть во время нашего путешествия. Что насчет мотива?

— На любой вкус: деньги, ревность, профессиональное соперничество. Напоминаю: семья «весит» больше десяти миллиардов долларов. После смерти родителей брат с сестрой управляют компанией железной рукой.

— Кто наследует усопшему?
— Пока неизвестно, но по идее — Лаура, его сестра. Она получит жирный кус.

— Сколько ей лет?
— Тридцать два года.
— Допросили?

— У нее алиби на ночь с субботы на воскресенье. Фройляйн проводила время с парнем с работы. Знаешь, Юрген и Лаура были неразлучны, вряд ли это она убила брата. Ладно, скоро мы ее увидим и составим собственное мнение.

— Кто есть еще?

— Конкурирующие компании, другие члены семьи, акционеры... VG — настоящая звездная туманность, так что заинтересованных в смерти Юргена — легион.

Обезглавленная жертва в гуще леса, украденные внутренности и половые органы: *modus operandi* абсолютно не соответствует подковерному миру производственных конфликтов и больших денег.

— Есть кое-что еще, поэкзотичней, — продолжила Ивана. — Маленький граф увлекался СМ¹. Посещал *особые* клубы в Штутгарте, вызывал проститутку к себе во Фрайбург.

— Сомневаюсь, что его лишили головы за любовь к порке кнутом. Мы с тобой хорошо знаем эту публику. Самые ласковые представители уголовного мира.

Он сразу пожалел, что позволил себе этот снисходительный тон. «Какой же ты идиот, комиссар! Каждый волен самовыражаться, как ему нравится. Не стоит презирать человека, не проявлявшего *жестокости*, и очаровываться преступностью, отравляющей наше общество...»

— Не согласна... — Ивана покачала головой. — Он мог нарваться на плохих парней в тот момент, когда был особенно уязвим...

¹ Садомазохизм.

Но подобный сценарий не давал ответа на главный вопрос: почему в лесу?

Они выехали на дорогу, нависающую над Черным лесом и цепью гор, поросших блестящим «мехом». Говорят, на расстоянии он кажется черным, но сейчас, под ярким послеполуденным солнцем, бесконечная череда холмов, долин и синусоидальных линий растительного моря была зеленой. Им предстоит затеряться в гигантском лабиринте дорог и тропинок, в лесу, скрывающем хищника.

— Что-нибудь еще?

— Политическое покушение, — едва слышно произнесла Ивана.

Ньеман понял, что она отдает предпочтение этой версии.

— Он занимался политикой?

— Нет. Но был великим охотником, как и все члены его семьи.

— Поясни.

— Гейерсберги владеют тысячами гектаров леса, ставшего ареной их единственного пристрастия. Они выкупили окрестные земли, протолкнули указы, запрещающие сельскохозяйственную деятельность, и все это ради того, чтобы увеличить размер «игровой площадки».

— Хочешь сказать, они ездили во Францию исключительно ради охоты?

— Псовая охота запрещена, но Гейерсберги практикуют все другие виды — охоту с подхода, облаву...

— Нужно говорить — облавы.

— А мне все едино, — ответила Ивана со смесью отращения и вызова. — Ладно, я ни при чем, а вот

Юрген был охотником в полном смысле этого слова и уважал одно — собственную жажду крови.

— Выходит, его могли кокнуть противники охоты или разгневанные хлебопашцы?

Ивана загадочно улыбнулась. Ньеману нравилось, когда она изображала девчонку-проказницу, смотрела искоса, прячась за вельветовым воротником куртки.

— Местные активисты антиохоты — злобные ребята.

— Но отрезать голову...

— Они могли срежиссировать смерть Юргена на показ, в назидание другим.

Ньеман решил вернуться к старым добрым вариантам:

— Как насчет убийцы-психа? Такие действуют, не зная жертву, подчиняясь голосу своего безумия. Юрген вполне мог столкнуться с подобным типом...

— Жандармы прошерстили картотеки Эльзаса и Баден-Вюртемберга и не нашли ни похожих убийств, ни заявлений о сбежавших пациентах психлечебниц. Если на Гейерсберга напал психопат, это его первое преступление. Есть одна деталь, свидетельствующая в пользу такой гипотезы.

— Какая?

— Полнолуние. Ночное светило было на пике своего цикла, когда выпотрошили миллиардера.

Его привычное «возбуждающее» средство — кровь, безумие, тайна... Ньемана затрясло. Он умер, воскрес и теперь все время зяб, словно тело так и не обрело прежних свойств.

— Что говорит семья?

— Немецкие коллеги едва осмелились их опросить. Это одна из причин, по которой нас туда отправили; решили, что французам будет сподручнее трясти клан. Первый поворот направо.

— Можешь сказать, куда мы едем?

— Поговорить с врачом, который наблюдал за вскрытием.

— «Наблюдал»? Что еще за новости?

— Спецмера. Шенген — он и для трупов Шенген, а у Гейерсбергов длинные руки. Здесь налево.

Ньеман подчинился указанию своего штурмана, и они оказались на каменистой тропинке, полностью затененной деревьями. Их коричневые с зеленым верхушки сплелись и образовали что-то вроде лестницы в небо.

— Не понимаю... Мы что, не едем в больницу?

— Теперь все время прямо.